

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета Тузова Даниила Олеговича

на диссертацию Красновой Татьяны Сергеевны

«Принудительность и автономия воли в сервитутном праве» (СПб., 2017),

представленную к защите на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»

Диссертация Т. С. Красновой, посвященная сервитутам, представляет собой весьма интересное, творческое, самостоятельное, логически завершенное и методологически выдержанное научное исследование.

Актуальность избранной темы вполне очевидна: потребности хозяйственной жизни, вызвавшие более двух тысяч лет назад появление сервитутов и ставшие еще более насущными сегодня, с усложнением этой жизни, не всегда находят в российском праве и правоприменительной практике адекватных способов их удовлетворения. С другой стороны, отечественные научные разработки в данной области явно недостаточны: не случайно автору приходится обращаться для осмысления решаемых им проблем к многочисленным зарубежным литературным и нормативным источникам.

Диссертационное исследование имеет достаточную методологическую, теоретическую и нормативно-эмпирическую базу. Проблемы сервитутного права ставятся и анализируются в едином методологическом ключе, а именно сквозь призму автономии воли собственника недвижимости и принудительности ее ограничений. При этом изучен внушительный объем научной литературы, в том числе зарубежной. Обращает на себя внимание очень богатая эмпирическая база: автором детально проанализировано не только федеральное, но и региональное законодательство, а также огромный массив судебной практики, в результате чего выявлено все многообразие проявлений в отечественной правовой реальности как подлинных сервитутов, так и квазисервитутов и сервитутоподобных обременений права собственности, которые подробно изучены под единым концептуальным углом зрения и оценены на предмет их допустимости, целесообразности и эффективности.

Научная новизна диссертации выражается в постановке и решении автором актуальных задач, а также в ряде сделанных выводов, вынесенных на защиту. Изучение работы Т.С. Красновой позволяет утверждать о самостоятельности и научной обоснованности исследования, аргументированности и убедительности сделанных выводов и положений, выносимых на защиту, их высокой теоретической и практической ценности. Результаты исследования достаточно апробированы в учебном процессе, при подготовке научных статей и выступлениях на научных конференциях. Многие сделанные в диссертации выводы заслуживают поддержки. Например, большой интерес представляет § 2 гл. 2 «Зоны прохода и проезда как сервитутные типы обременений права собственности на недвижимое имущество», где убедительно показывается незаконность установления подобных зон на уровне региональных органов власти.

Содержание и структура диссертации соответствует целям и задачам исследования. Она состоит из оглавления, введения, трех глав, включающих в совокупности восемь параграфов, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка литературы.

Вместе с тем представленная на защиту работа имеет и некоторые недостатки.

1. Так, представляется, что формулирование соискательницей цели («формирование единого концептуального основания современного сервитутного права путем предложения ответов на отдельные общие и частные вопросы сервитутного права», с. 7-8) и задач («определение актуальных общих и частных вопросов сервитутного права»; «поиск ответов на данные вопросы...» и т.д., с. 8) диссертационного исследования не вполне отражает реальное научное значение рецензируемой работы, которая не только «предлагает ответы на отдельные вопросы», но ставит и решает ряд действительно важных теоретических и практических проблем отечественного сервитутного права.

2. Новизна отдельных положений диссертации выглядит сомнительной. Это касается, например, первого и второго положений, выносимых на защиту. Констатация того, что установление пределов права собственности производится императивно и в большей степени, чем установление обременений, ограничивает автономию воли собственника (первое положение, выносимое на защиту), кажется вполне очевидной. То же, по-видимому, можно сказать и об описании сущности и форм установления указанных пределов (второе положение, выносимое на защиту). Во всяком случае, текст диссертации не позволяет заключить, что именно нового сказано здесь соискательницей. Далее, например, на с. 81

автор пишет: «Учитывая положительный и отрицательный опыт регулирования сервитутных правоотношений, предлагается определить сервитут как право ограниченного пользования чужим недвижимым имуществом». Здесь также непонятно, что нового в этом определении, формально представленном как результат научной аналитической работы автора. Было бы уместно, если бы соискательница в ходе защиты дополнительно обосновала новизну указанных положений.

3. В первой главе работы обращает на себя внимания некоторая диспропорция в распределении акцентов. Так, § 1 этой главы («Дифференциация пределов и обременений права собственности на недвижимое имущество») занимает 27 страниц, из которых подавляющая часть (20 страниц) посвящена исключительно русскому дореволюционному праву. При этом следующий параграф, в котором рассматриваются сходные вопросы в современном праве, занимает только 10 страниц. Причем изложение вопросов русского дореволюционного права по своей форме оставляет впечатление некоторой затянутости; содержащаяся на этих страницах информация могла бы быть представлена более синтетически на нескольких страницах, что только улучшило бы эту часть работы.

4. Порой изложение является весьма сложным для восприятия. Это касается главным образом классификаций сервитутов *de lege lata* и *de lege ferenda* (с. 67-68, 96 и следующие): не всегда сразу ясно, когда речь идет о действующей системе, а когда о желательной, и в чем состоят главные отличия между выделяемыми видами; воспринимается эта часть работы несколько тяжеловато.

5. Признавая в целом грамотное оформление работы и выдержанный стиль, замечу, что некоторые ее особенности не вписываются в общепринятые стандарты. Это относится, например, к используемому автором обозначению «(не-) нормативные акты» (ведь если речь идет как о нормативных, так и ненормативных актах, то это указывается иначе), а также часто встречающемуся в работе развернутому – по имени и отчеству – цитированию авторов вместо указания их инициалов: Юрий Сергеевич Гамбаров (с. 18, сн. 1), Иван Борисович Новицкий (с. 39), Константин Петрович Победоносцев (с. 142), Александр Владимирович Копылов (с. 177).

6. Иногда в работе встречаются достаточно спорные, на мой взгляд, положения, с которыми нельзя согласиться, которые не вполне ясны или нуждаются в дополнительном обосновании.

6.1. Так, на с. 14 утверждается, что «крушение СССР подарило новую жизнь не только категории «ограниченное вещное право», но и нормативным положениям о сервитуте». Представляется неверным связывать возрождение сервитутного права и другие позитивные явления в отечественном праве именно с крушением СССР: хотя последнее, действительно, им предшествовало, однако *post hoc non est propter hoc*.

6.2. Автор отмечает, что «появление сервитутов в России принято связывать с освобождением крестьян от крепостной зависимости, наделением их землей и превращением в самостоятельных собственников» (с. 21). Но возникает вопрос, не вызывало ли соседство земельных участков объективную необходимость установления сервитутов еще до Крестьянской реформы, например в отношении двух участков различных помещиков? И если да, то почему начало развития сервитутов связано именно с реформой?

6.3. На с. 67 автор пишет: «...можно заключить, что согласно господствующей отечественной доктрине сервитут – это право ограниченного пользования чужим недвижимым имуществом, устанавливаемое в пользу конкретного лица (лиц)». Так ли это с точки зрения господствующей доктрины? Ведь приведенное определение подходит только к личному сервитуту. Прециальный же сервитут (т.е. сервитут в собственном смысле) устанавливается не в пользу конкретного лица, а в пользу господствующего участка (или другой недвижимости). Иными словами, верно ли, что согласно господствующей доктрине понятия «сервитут» и «личный сервитут» совпадают, что сервитуты, следовательно, бывают только личными, а прециальных сервитутов не существует?

6.4. В третьем положении, выносимом на защиту, отметив, что «*de lege lata* конструкция публичного сервитута по существу тяготеет к категории пределов права собственности на недвижимость», соискательница утверждает, что «между тем правовыми средствами удовлетворения интересов неопределенного круга лиц либо определенной категории лиц ограничено пользоваться чужой недвижимостью *должны* (курсив мой. – Д.Т.) выступать не императивно установленные пределы права собственности, а диспозитивно/диспозитивно-императивно установленные обременения права собственности» (с. 10). Однако из содержания диссертации остается не вполне понятным, почему обременения права собственности именно «должны» выступать этими средствами. Является ли такое долженствование некой внутренней логической необходимостью или лишь выражением целесообразности и почему?

6.5. Заслуживающим внимания и поддержки является шестое положение, выносимое на защиту, касающееся защиты сервитутов. Следует, в частности, согласиться со всесторонне обосновываемым соискательницей выводом о том, что «наиболее соответствующим природе сервитута способом защиты является негативный иск, предъявляемый в защиту непосредственно сервитута, а не права на господствующую недвижимость» (с. 11). Для практической реализации этого положения в условиях действующего законодательства, которое формально не предусматривает такой возможности, автором предлагается, однако, несколько спорный, на мой взгляд, подход с использованием *фикции*: «До устранения несовершенства законодательства по данному вопросу в целях соблюдения буквы закона, – указывается в диссертации, – целесообразно использовать юридико-технический прием фиктивного наделения сервитуария правомочием владения служащей недвижимостью исключительно для применения п. 4 ст. 216, ст. 304-305 Гражданского кодекса РФ ... или применять ст. 304-305 ГК РФ для защиты сервитута по аналогии закона» (с. 11, подробнее – с. 189). При этом примечательно, что сама соискательница критикует другой подход, состоящий в наделении сервитуария правомочием *владения правом*, как «не выдерживающий критики» именно ввиду его фиктивности (с. 177-178). Таким образом, вместо одной фикции предлагается другая. Но непонятно, чем же одна фикция лучше другой.

7. При всей строгой терминологической выдержанности работы иногда терминологический выбор автора вызывает возражения.

7.1. Например, представляется противоречивым встречающийся в отечественной специальной литературе и безоговорочно принятый в диссертации термин «вещные обязательства» (*passim*, напр., на с. 11, седьмое положение, выносимое на защиту: «...добровольно-принудительный режим обязательственных правоотношений в сервитутном праве позволяет охарактеризовать их в качестве вещных обязательств...»). При этом ссылки на его иностранные аналоги – *qualitative obligations* и *obligatio propter rem* – не оправдывают его использование, ибо в указанных аналогах отсутствует характеристика обязательства именно как «вещного» (следует заметить, в частности, что *propter rem*, «вследствие вещи», еще не означает «вещное»).

7.2. Далее, на с. 11, сн. 1, объявляется, что «в диссертации субъективное право и правоотношение понимаются как синонимичные понятия...» Конечно, эти понятия

взаимосвязаны, но все же не совпадают, т.к. первое является элементом второго, а потому использование обозначающих их терминов в качестве синонимов необоснованно. Другое дело, что соответствующие термины могут быть *взаимозаменяемыми*, так как зачастую то, что характерно для правоотношения, характерно и для входящего в его состав права.

7.3. На с. 88 автор ограничивает в своей классификации «индустриальный сервитут» от таких разновидностей сервитута, как «легальный», «административный», «промышленный». В том, что касается «промышленного» сервитута, представляется некорректным на терминологическом уровне ограничивать его от «индустриального», т.к. соответствующие прилагательные полностью совпадают по значению, различаясь лишь с точки зрения языкового происхождения (соответственно латинского и славянского). Поэтому если данные термины должны по мысли автора обозначать различные понятия, такую терминологию следует признать неудачной.

7.4. Популярный иск (*actio popularis*) на страницах работы именуется «популярным» (с. 111-112). Такой термин, хотя и встречается в некоторых изданиях, явно некорректен.

8. Иногда автором допускаются неточности.

8.1. Так, на с. 16 указывается, что «для римского права являлось традиционным деление прав на вещные и личные». Между тем общепризнанно, что римские юристы различали вещные и личные *иски* (*actiones in rem* и *actiones in personam*), а не права, что соответствующая классификация субъективных прав – продукт гораздо более позднего развития.

8.2. На с. 21, в сн. 3, поясняется, что принято понимать под сельскими и городскими сервитутами «сегодня». Между тем излагаемое автором понимание *servitutes rusticorum* и *urbanorum* сформировалось уже в римском праве.

8.3. На с. 35 приводится точка зрения части русских дореволюционных цивилистов, а в сн. 3 к этому месту в ряду ученых действительно дореволюционного периода почему-то упоминается ныне здравствующий и находящийся в полном расцвете творческих сил А.С. Карцов.

Высказанные замечания имеют целью дать автору возможность уточнить свою позицию в ходе защиты или поразмышлять над отдельными аспектами своей работы при

будущих научных исследованиях и не влияют на высокую положительную оценку рецензируемой диссертации в целом.

С учетом изложенного можно констатировать, что диссертация Т. С. Красновой безусловно является самостоятельной научно-квалификационной работой, представляющей личный вклад автора в научные исследования сервитутного права и по своему содержанию соответствующей научной специальности 12.00.03 – «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право», в которой на основании проведенных автором исследований содержится решение важных для науки гражданского права задач.

Диссертационное исследование Т. С. Красновой соответствует требованиям и критериям, установленным Приказом от 1 сентября 2016 г. № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а его автор по результатам публичной защиты заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право».

Член диссертационного совета:

профессор кафедры гражданского права

ФГБОУ «Санкт-Петербургский государственный университет»,

доктор юридических наук

Д.О. Тузов

26 мая 2017 г.

Личную подпись Музова Валентина Владимировна заверяю.

Документ подготовлен в порядке исполнения служебных обязанностей.

Заместитель начальника Управления кадров
Главного управления по организации работы с персоналом

В.В. Краснова
26.05.2017